

Тамплиер (храмовник) в полном вооружении и орденском плаще. Рисунок XIX в.

лад дела там, где нужны широкоречивость и изобретательное разнообразие, и когда предпринятая история влачится однообразно, без всяких украшений; вообще образованному читателю делается противной дерзкая речь безрассудного писателя, когда он поймет, что предмет должен был излагаться в другой форме. Нет сомнения, что язык оратора должен всегда соответствовать предмету, который его занимает: так, военные события нужно излагать с некоторой суровостью в словах; для божественных же предметов необходим слог более приятный и более спокойный. Если бы мои силы равнялись моей воле, то мне следовало бы удовлетворить обоим тем условиям, так чтобы и кичливый бог войны (то есть Марс) не встретил в моем рассказе ничего недостойного своих славных подвигов и чтобы в предметах священных благоразумие Меркурия не нашло чего-нибудь противного важности, требуемой самим предметом. Быть может, я не выполнил на деле тех правил, но при всем том не могу также одобрить того, что сделал тот писатель, а еще

менее последую его примеру. Итак, я, увлеченный своей чрезвычайной дерзостью, но побуждаемый к тому единственно привязанностью к вере, решаюсь предать себя на суд людей посторонних; быть может, найдут, что моя вторая попытка, со стремлением поправить первую, оказалась сама хуже первой. Но видя, как со всех сторон с жаром начинают многие предаваться изучению грамматики, а увеличивающееся число школ делает то доступным для людей самых невежественных, я считал для себя стыдом не рассказать, если не так, как то должно, то по крайней мере как для меня возможно, о славе нашего времени, и оставить историю под ржавчиной дурно изложенного сочинения. Видя, как Господь в наши дни совершил чудесные дела, каких не знало прежнее время, и как эти драгоценные камни покрылись постыдной пылью, я не мог более переносить такого презрения и старался при помощи языка, какой только мог у меня найтись, извлечь эти богатства они драгоценнее всякого золота, из тьмы забвения, в которое они были повергнуты. Впрочем, предпринимая такой труд, я увлекался не одним потоком своих собственных мыслей: при этом я уступил также и требованию некоторых лиц, выразивших мне свои живейшие желания. Одни хотели, чтобы я писал в прозе, но большая часть требовала, чтобы я изложил свой труд в стихах, зная, что в своей юности я предавался подобного рода упражнениям, и, может быть, более, чем то следовало. Но теперь (около 1124 г.), придя в возраст более зрелый и опытный, я не полагал, чтобы следовало подобный предмет описывать звучным языком поэзии и употреблять для того музыку стихов; напротив, я имел убеждение, что если найдется человек, кому соизволит Бог ниспослать милость говорить прилично о таком предмете, то ему следует выражаться слогом более важным, чего до сих пор не делали историки походов в Палестину. Я сознаюсь, что уже тотчас по взятии Иерусалима (1099 г.), и с того времени, как начали возвращаться домой принимавшие участие в этом великом походе, я возымел мысль писать эту историю; некоторые неблагоприятные обстоятельства за-